

Татьяна Воронич

Белорусский Государственный Экономический Университет

Экономические преступления в городах Беларуси во второй половине XIX – начале XX веков

На сегодняшний день история преступности остается в белорусской историографии не только одной из наименее изученных, но и наименее привлекающих внимание историков тем. Однако эта проблема крайне важна для изучения культуры повседневности. Судебные дела окружных судов (ставшие одними из главных источников данного исследования) по словам американской исследовательницы Нэнси Шилдс Коллман, «раскрывают повседневную жизнь людей как никакие другие источники»¹. А отклонения от норм, девиации, преступность, несомненно, могут стать ключом для понимания самой нормы, функционирования социума, роли человека в событиях определенной эпохи².

В данной работе речь пойдет об экономической преступности³ в городах пяти губерний – Виленской, Витебской Гродненской, Минской и Могилев-

¹ Н.Ш. Коллман, *Преступление и наказание в России раннего Нового времени*, Москва 2016, с. 10.

² В. Маслійчук, *Підлітковий злочин у Харкові (80–90-ті рр. XVIII ст.)*, „Краєзнавство” 1, 2011, с. 72.

³ В соответствии с Уголовным Кодексом Республики Беларусь к экономическим относятся преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (доступ: 21.09.2019).

ской⁴. Сразу важно отметить, что выводы, сделанные в исследовании, вытекают из конкретных случаев и не всегда окончательны, но тем, не менее, позволяют очертить контуры социальных процессов, происходивших в обществе на приграничных территориях.

Во многих европейских городах на протяжении XVII–XVIII вв., на фоне накопления богатства, роста промышленности и урбанизации, происходит постепенная эволюция форм преступлений против собственности – от насильственных грабежей и разбойных нападений к более квалифицированным и изощренным кражам без использования насилия против личности, практикуемым профессиональными карманниками и взломщиками⁵. По мнению Мишеля Фуко, «смещение преступности от «кровавой» к «мошенической» составляет часть сложного механизма, включающего в себя развитие производства, рост богатства, более высокую юридическую и моральную оценку отношений собственности, более строгие методы надзора, весьма жесткое распределение населения «по графам», усовершенствование техники розыска и получения информации...»⁶.

По данным 1912 года окружными судами на территории пяти губерний – Виленской, Витебской Гродненской, Минской и Могилевской – 5444 человека⁷ было осуждено за экономические преступления⁸. Из них за экономи-

⁴ В качестве объекта исследования были выбраны пять губерний, территории которых полностью, ибо преимущественно входят в состав современной Беларуси.

⁵ Е. Акельев, «Сыщик из воров» Ванька Каин: анатомия «гибрида», „Ab imperio” 3, 2018, с. 296–297.

⁶ М. Фуко, *Надзирать и наказывать*, Москва 1999, с. 111.

⁷ Подсчитано по: *Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июня 1889 года, за 1912 год. Издание Министерства внутренних дел в 2-х частях*, Петроград 1915, ч. 1, с. 34–54.

⁸ Группировка преступлений была проведена в соответствии с Уголовным Кодексом Республики Беларусь (см.: Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> [доступ: 21.09.2019]) на основе таблицы «Распределение осужденных по роду преступлений и месту судимости» (См.: *Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июня 1889 года, за 1912 год. Издание Министерства внутренних дел в 2-х частях*, Петроград 1915, ч. 1, с. 34–54). Сюда включены: «растрата, преступное пользование казенным имуществом и нерадение при хранении его; подделка монеты, кредитных бумаг и распространение их; банкротство; подделка банковых билетов, акций, векселей, клейм; подлоги в актах и обязательствах; другие проступки по догово-

ческие преступления было осуждено 2380 человек (43,7%). В том числе за кражи, разбой и грабежи было осуждено 1926 человек, что составило 80,9% осужденных за экономические преступления и 35,4% от общего количества осужденных.

Таким образом, подавляющую часть всех экономических преступлений составляли кражи, разбой и грабежи. Но в данной статье будет представлена другая группа преступлений, которую можно отнести к «некровавой» и осужденные по которым составляли меньшинство. В том числе будут рассмотрены такие виды преступлений, как мошенничество и обман покупателей. Занимая довольно незначительное место в уголовной статистике, эти преступления оказывают существенное влияние на повседневную жизнь горожан. Малое их число (по сравнению с другими преступлениями) объясняется в некоторой степени тем, что не все эти правонарушения регистрировались. Даже современные горожане, сталкиваясь с этими видами правонарушений, далеко не всегда обращаются в правоохранительные органы.

«Санитарная комиссия»

Сто лет назад, так же, как и сейчас в Беларуси, распространенным явлением были сборы денежных средств в пользу различных общественных организаций, чем и пользовались мошенники.

рам; другие нарушения уставов: кредитного, торгового мореплавания и торговых; мошенничество; поджог обитаемых зданий; другие случаи поджога; другие случаи истребления имущества; преступное пользование чужим имуществом; разбой и грабеж 1-го рода; грабеж 2-го рода; насильственное вымогательство и насильственный захват; кража со взломом; кража домашняя; кража вооруженная; конокрадство; кража крупного рогатого скота; кража со смягчающими обстоятельствами; другие случаи кражи; присвоение чужого имущества; перевод и покупка заведомо похищенного». Данная группировка несовершенна, поскольку юридические термины современного белорусского законодательства и Российской империи второй половины XIX – начала XX веков не совпадают. Так, за рамками группировки остались такие виды преступлений, как «против лесного устава», «другие нарушения уставов: фабричной, заводской и ремесленной промышленности» и др., поскольку сложно однозначно ответить, какие именно преступления попали в статистику под этими графами. Кроме того, в Российской империи данного периода еще отсутствовала «установившаяся терминология», что значительно осложняло работу и самим российским юристам рассматриваемого периода (См.: *Алфавитный указатель к Своду законов Российской империи* / Сост. С.С. Войт, Петроград [1914], с. IV.). Поэтому, в дальнейшем возможна корректировка самой группировки и, соответственно, статистических данных, сделанных на ее основе.

22 августа 1911 года пристав третьей части Минска получил по телефону от городского сообщения, что в одном из районов Минска, на Комаровке по Борисовскому тракту по дворам горожан ходит некая санитарная комиссия в составе двух человек. Один из них представлялся ни более ни менее как чиновником особых поручений при самом минском губернаторе, а второй – уездным санитарным врачом⁹. При этом санитарный врач во время осмотров все время молчал и лишь на вопросы своего «коллеги» о санитарном состоянии дворов отвечал: «в ужасном состоянии»¹⁰. Помимо осмотра дворов, комиссия попутно еще и собирала деньги в пользу Красного Креста. Состояние дворов и вправду было «ужасным». Потому, домовладельцы, надеясь, видимо, таким образом откупиться от санитарной комиссии, безропотно деньги сдавали. И это при том, что члены комиссии были пьяны. На робкие вопросы горожан о квитанции за сделанные взносы, комиссия обещала, что ее можно будет получить «через пару дней» во Врачебном отделе. С каждого домовладельца брали немало – от 50 копеек до одного рубля¹¹. Правда, собрать успели немного – всего четыре рубля. Когда на Комаровку прибыла полиция, оказалось, что чиновник особых поручений – Федор Ефимов Павловский, это всего лишь бывший околоточный надзиратель, состоявший ныне канцелярским чиновником в минском губернском правлении, а санитарный врач – крестьянин Макарий Яковлев Гутковский, оказался уездным фельдшером¹². На момент задержания оба оказались настолько пьяны, «что не могли почти что говорить»¹³. Но собранные деньги сразу же вернули. Когда протрезвели, объяснили, что днем они встретились в городе, зашли «в ресторан закусить, причем очень сильно выпили, спяна попали на Комаровку, ходили там по чьим-то дворам и собирали деньги», но все это делали «под влиянием хмеля»¹⁴.

Самое интересное, что первоначально состав «комиссии» был шире – сам городской был третьим ее членом. По его словам, под вечер к нему подошли двое, фамилии которых он не знал, да и видел их впервые, с предложением помочь в проведении санитарных осмотров. Городской сразу отказался, поскольку у него были срочные служебные дела. Однако тот, который пред-

⁹ Национальный исторический архив Беларуси (далее: НИАБ), ф. 183, оп. 2, д. 22729, л. 2–2 об.

¹⁰ Ibidem, л. 3.

¹¹ Ibidem, л. 2 об.

¹² Ibidem, л. 3.

¹³ Ibidem, л. 45 об.

¹⁴ Ibidem, л. 3.

ставился чиновником особых поручений, (он, кстати, был в форме) пообещал уладить все вопросы с начальством городского. И городской поверил и согласился¹⁵. Вероятно, немаловажную роль в этом, если не решающую, сыграло наличие формы и само звание чиновника особых поручений. Причем «комиссия» не вызвала никаких подозрений не только у городского, но и у самих горожан, у которых собирались деньги. Уже сам факт формы на человетеке облакал его властью и внушал безоговорочное доверие окружающих.

Даже состояние алкогольного опьянения, в котором находились мошенники, не вызывало никаких подозрений ни у городского, ни у хозяев осматриваемых дворов. Сомнения у городского возникли лишь тогда, когда помимо осмотров дворов ее члены стали собирать еще и деньги. Что в итоге и заставило городского обратиться за помощью к приставу¹⁶.

Обвинение им было предъявлено довольно суровое: «присвоение не принадлежащей им правительственной власти и обманное получение 4 рублей денег под предлогом не существовавшего в действительности поручения начальства»¹⁷. Затем это обвинение сняли и обвинили лишь в мошенничестве – в выманивании денег обманным путем. То ли оба родились под счастливой звездой, то ли адвокат был хороший, но оба, и 28-летний потомственный почетный гражданин Федор Ефимов Павловский, и 53-летний крестьянин Гутковский, решением суда присяжных заседателей были оправданы¹⁸.

«Наборная книжка»

Мелкие мошенничества были распространенным явлением и стали характерной чертой повседневной жизни горожан второй половины XIX – начала XIX веков. В декабре 1913 г. в Минске в бакалейной лавке Адама Окулича, расположенной на углу Трубной улицы, появилась новая покупательница¹⁹. Сперва молодая женщина, регулярно появляясь в лавке, расплачивалась за товар наличными. А затем, став уже постоянной покупательницей, начала брать товары в долг. Весь приобретаемый товар записывался в специальную «наборную книжку». Молодая женщина подписалась фамилией Пигулевская, а адрес проживания указала – улица Трубная. Расплачиваться Пигулевская пообещала каждое 20-е число после получения жалованья. Набрав

¹⁵ Ibidem, л. 2 об.–3.

¹⁶ Ibidem, л. 2 об.–3.

¹⁷ Ibidem, л. 3.

¹⁸ Ibidem, л. 3.

¹⁹ НИАБ, ф. 183, оп. 2, д. 25651, л. 2.

продуктов на 6 р. 43 к., Пигулевская из числа покупателей Окулича исчезла... Окулич попробовал сам разыскать Пигулевскую, однако выяснил, что среди жителей Трубной улицы людей с фамилией Пигулевская вообще нет. Спустя несколько недель Окулич среди покупателей своей лавки заметил женщину, которая ранее он видел в компании с Пигулевской. Расспросив эту покупательницу, Окулич выяснил, что настоящее имя мошенницы – Елена Бондаренко²⁰. Через адресный стол он нашел ее адрес и, явившись к ней, потребовал вернуть долг. Однако Елена Бондаренко платить отказалась. В ходе предварительного следствия выяснилось, что 21-летняя женщина, дочь коллежского секретаря, успела не только окончить три класса женской гимназии, но и уже два раза побывала под судом. Первый раз в 1909 году по решению суда была отдана под надзор отца, а второй раз в 1910 году за кражу провела целый месяц под арестом в арестном доме²¹.

Чем руководствовались присяжные заседатели, неизвестно, но их решением на суде в декабре 1914 года Елена Бондаренко была оправдана²².

Городское общество рассматриваемого периода было достаточно стабильным. Об этом свидетельствует довольно высокий уровень доверия, существовавший между продавцом и покупателем, когда клиент магазина мог брать товар фактически в долг на основании лишь недолгого знакомства с владельцем магазина.

В данном случае, как и многих других, обращает на себя внимание и тот факт, что сам пострадавший начинает проводить собственное расследование. В европейских странах долгое время розыск преступников и сбор доказательств против них для судебного разбирательства считались обязанностью жертв, их родственников или членов общины²³. Кроме того, в России XVIII века истцы должны были нести судебные издержки, в том числе оплачивать содержание подсудимого в тюрьме²⁴. В Москве делами уголовного свойства и наказанием преступников занимался Сыскной приказ, учрежденный в 1730 году. Для начала следственного процесса в данном учреждении необходимы были не только конкретный истец, но и конкретный обвиняемый. Не имея обвинения против конкретного человека, заявления о совершенном преступлении не становились основанием для возбужде-

²⁰ Ibidem, л. 2–2 об.

²¹ Ibidem, л. 68–68 об.

²² Ibidem, л. 24.

²³ Е. Акельев, *op. cit.*, с. 257.

²⁴ Ibidem, с. 275.

ния новых дел и осуществления следственных мероприятий²⁵. Вероятно, это обстоятельство во многом и вынуждало пострадавших самостоятельно начинать разыскивать обидчиков. Создание профессиональной полиции, а затем и выделение внутри нее специализированных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в различных европейских странах, в том числе и в России, произошло только в течение XIX века²⁶.

Важно отметить, что к концу XIX века в Российской империи уже сформировались основы современного уголовного процесса. Заявление частного лица являлось законным основанием для начала предварительного следствия²⁷. Особо в законе было оговорено, что подача заявления не налагала обязанности доказывать преступное деяние, но при этом подвергала ответственности за ложные донос и показания²⁸. Все судебные издержки по уголовным делам, за некоторым исключением, производились за счет государства²⁹.

Однако, незнание юридических основ, своих прав, не сформировавшиеся еще понятия ценности и неприкосновенности личности и частной собственности, ощущения незащищенности государством, заставляли, и главное, позволяли, жертвам в силу давно существовавшей традиции брать на себя функции правоохранительных органов и самостоятельно разыскивать преступников.

«Церковные вещи»

Мошенничества можно считать своего рода прогрессивными видами преступлений. Мошенники шли в ногу со временем, активно развивая свою деятельность во всех новых областях и сферах человеческой деятельности. При этом мошенники хорошо знали психологию поведения человека, обладали определенным уровнем знаний в различных областях, что и определяло сферу приложения их криминального таланта.

²⁵ Ibidem, с. 265–267.

²⁶ Ibidem, с. 257.

²⁷ Устав уголовного судопроизводства, [w:] *Свод законов Российской империи*. Издание неофициальное. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями. В пяти книгах., ред. И.Д. Мордухай-Болтовской, С.-Петербург 1912, Т. 16, ст. 297, с. 414.

²⁸ Ibidem, ст. 308, с. 415.

²⁹ Ibidem, ст. 976, с. 463.

Во второй половине XIX века объектом пристального внимания мошенников стала железная дорога и оказываемые ею услуги, а именно почтовые отправления, перевозимые посредством поездов.

В середине января 1905 года на товарной станции Минск Либаво-Роменской железной дороги к отправлению на станцию Речица Полесских железных дорог на имя некоего ксендза Далецкого был сдан ящик под наименованием «церковные вещи» с наложенным платежом стоимостью 2481 р. 65 к.³⁰ Отправителем груза значился Марчевский. Спустя неделю на станцию Минск явился молодой человек, представившийся отправителем Марчевским, и предъявил документы к оплате. На документах были все необходимые подписи и штампы о том, что груз в Речице выкуплен. Поскольку никаких подозрений ни молодой человек, ни документы, которые он предъявил, не вызывали, то желаемые 2481 р. 65 к. он получил. Спустя несколько дней 28 января на станции Вильна-Товарная был сдан к отправлению на станцию Минск на имя ксендза Михалкевича другой ящик под таким же названием «церковные вещи» с наложенным платежом стоимостью уже 4468 р. 60 к. А 31 января на станции Вильна-Товарная было оформлено еще одно отправление на сумму 4432 р. на имя ксендза Аркова. Отправителем в обоих случаях был указан некий купец Невядомский³¹. Через несколько дней из Минска пришли документы, подтверждающие, что один из грузов выкуплен, наложенный платеж получен. И хотя документы не вызывали никаких подозрений, главный кассир станции Вильна из-за довольно значительной суммы наложенного платежа решил все же перепроверить, действительно ли груз выкуплен. В это время на станцию явился молодой человек, который представился племянником купца Невядомского, и предъявил документы на получение денег. Главный кассир временно отказался выплачивать деньги, объяснив, что ответ на его запрос из Минска еще не получен. Кроме того, он потребовал, чтобы за деньгами пришел сам купец-отправитель. Больше молодого человека на станции Вильна не видели³².

Между тем, на станции Минск выяснили, что ни один, ни второй груз не выкуплены, часть сопроводительных документов к грузам пропала, на других же были обнаружены поддельные подписи. Ксендз Арков оказался реально существующим человеком. Ему был отправлен запрос, на который он ответил, что никаких вещей из Вильны он не заказывал. Когда же ящики

³⁰ НИАБ, ф. 183, оп. 2, д. 17329, л. 2.

³¹ Ibidem, л. 2–5.

³² Ibidem, л. 5–5 об.

были вскрыты, то в них вместо заявленных церковных вещей обнаружили опилки. Когда соответствующий запрос отправили на станцию Речица, то оказалось, что груз также не выкуплен, а в ящике находились «сенная труха, солома и разное тряпье»³³.

В ходе проведенного расследования выяснилось, что во всех случаях отправителем был «несвижский слуцкого уезда мещанин» внебрачный 19-летний Владислав Шимкевич. Помогал ему крестьянин Заславской волости Минского уезда 18-летний Эдуард Соколдынский, который некогда работал поденным конторщиком на товарной станции Минск и поэтому был хорошо знаком с правилами пересылки грузов. Соколдынский «был вхож» в товарную контору и периодически выполнял обязанности отсутствующих служащих, получая доступ ко всем товарным документам и штампеям. Соколдынский воровал сопроводительные документы, заменяя их на подложные, на которых были поставленные Шимкевичем поддельные подписи и штампы³⁴.

Суд состоялся только в феврале 1907 г. К началу суда выяснилось, что Шимкевич, который должен был находиться под надзором полиции, сперва, покинув Минск, выехал к своей матери в Несвиж, а затем, по слухам, и вовсе уехал в Англию³⁵. Как оказалось, пристав 4-й части г. Минска, который должен был следить за Шимкевичем, даже не знал, как тот выглядит в лицо. Поэтому, когда суд отправил пристава запрос о приметах Шимкевича, тому пришлось наводить справки. В результате описание примет Шимкевича получилось очень интригующим: «поименованный в сем Владислав (внебрачный) Шимкевич примет как оказалось по справке следующих: росту выше среднего, 21–22 лет, лицо чистое, одет чисто, занимается учением детей, а именуется слесарем»³⁶. Полицейский надзор был довольно условным и нисколько не стеснял свободы обвиняемого. Пока лишь можно только предполагать, было ли это следствием халатности по службе со стороны пристава, либо сделано это было по сговору с самим Шимкевичем, и стало одним из эпизодов коррумпированности полицейских органов власти Российской империи.

Поэтому суд начался без Шимкевича, в ходе которого Соколдынский решением присяжных заседателей был оправдан³⁷.

³³ Ibidem, л. 5 об.–6.

³⁴ Ibidem, л. 6–9.

³⁵ Ibidem, л. 103, 131, 132 об., 164.

³⁶ Ibidem, л. 166–166 об.

³⁷ Ibidem, л. 189–189 об.

«Техтель»

Азартные картежные игры в Российской империи были запрещены. Незаконная организация азартных игр относилась к преступлениям, которые классифицировались как «общественный соблазн», иначе говоря, преступления против общественного порядка и общественной нравственности³⁸. Т. е. те преступления, которые не являются в данном случае объектом исследования. Но, поскольку, игорный бизнес сегодня в Беларуси – это легальная экономическая деятельность, облагаемая налогами, будет уместно рассмотреть именно в контексте экономической преступности один из эпизодов незаконной организации азартных игр.

Картежная игра всегда была излюбленным развлечением в истории человечества. Несмотря на запреты, в азартные карточные игры играли, но подпольно. Играли, как правило, на частных квартирах и в номерах гостиниц³⁹.

Своеобразный подпольный карточный клуб содержала на своей квартире в Минске на Нижней Ляховке 42-летняя портниха мещанка Каролина Дроздовская. Игры проходили в ночное время, как правило, каждый месяц после 20-го числа (день выплаты жалованья служащим города). Приходили игроки в любое время начиная с 11–12 часов ночи и до самого утра⁴⁰. В среднем, за месяц проходило 10–13 карточных ночей. Иногда игра принимала такой азартный характер, что могла продолжаться несколько дней подряд⁴¹. Приходили к Дроздовской, главным образом, мелкие чиновники и «другие лица свободных профессий». Квартира Дроздовской была открыта для всех желающих играть в карты, каждый «знакомый и незнакомый хозяйке» мог зайти туда. Причем никто и никого друг с другом и не знакомил, гости порой не были знакомы даже с хозяйкой квартиры⁴².

Играли чаще всего в карточную игру «девятый вал», по местному названию «техтель». «Техтель» был игрой местного происхождения и потому, например, в других городах Российской империи был неизвестен, и в перечне азартных игр отсутствовал. Но зато в Минском общественном собрании

³⁸ Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (доступ: 21.09.2019).

³⁹ НИАБ, ф. 183, оп. 2, д. 17332, л. 193 об.

⁴⁰ Ibidem, л. 188 об., 201–201 об.

⁴¹ Ibidem, л. 172.

⁴² Ibidem, л. 2–3, 183.

(что-то вроде городского клуба) «техтель» был отнесен к разряду азартных игр и потому запрещен⁴³.

В свою пользу Дроздовская всегда брала с выигравшего девятую часть выигрыша. «Банки закладывались разные – от пяти до 25 рублей, ставки же на карту доходили до пяти рублей». Поскольку в игре всегда принимало участие не менее 20, а то и сорока человек⁴⁴, то за ночь Дроздовская собирала довольно приличную сумму. Из которой она примерно 2–5 рублей тратила на угощение для игроков, «которое, однако, состоя в водке и закуске, обилием и тонкостью не отличалось»⁴⁵.

Но душой всего предприятия, главным организатором игр был служащий конторы Либаво-Роменской железной дороги 37-летний Степан Парадисов, по кличке Султан. Раньше Парадисов снимал у Дроздовской комнату. А затем лишь только «столовался» у нее⁴⁶. «Ловил» клиентов для игры в карты Парадисов везде, где только мог. Каждый день после обеда и часов до 9–10 вечера Парадисов прогуливался по одной из главных улиц города – Губернаторской и, свободно обращаясь ко всем встречным знакомым, приглашал к Дроздовской на игру в карты. Кроме того, Парадисов регулярно заходил на службу ко всем своим знакомым, приглашая их на игру⁴⁷. К себе не приглашал, поскольку опасался полиции⁴⁸. Парадисов, «по слухам», занимался картежным бизнесом уже года три-четыре и, получая жалованье 30 рублей в месяц на службе, сумел, благодаря игре в карты, собрать одну тысячу рублей⁴⁹. Сам же он в карты не играл, лишь для поддержания игры ставил «на карту пятачки» (пять копеек). Во время игры Парадисов старался принимать все меры предосторожности – окна занавешивались шторами, а наружные двери закрывались. Об этом, кстати, просили и сами игроки⁵⁰.

«Сдал» Дроздовскую полиции один из игроков, который сильно проигрался у нее⁵¹. В результате одной июньской ночью 1904 года полиция застала за карточной игрой около 10–15 мужчин. Игра была «в полном разгаре,

⁴³ Ibidem, л. 4, 197–197 об.

⁴⁴ Ibidem, л. 201 об.

⁴⁵ Ibidem, л. 3.

⁴⁶ Ibidem, л. 3 об.

⁴⁷ Ibidem, л. 190, 196, 201.

⁴⁸ Ibidem, л. 194 об.–195.

⁴⁹ Ibidem, л. 3 об., 195.

⁵⁰ Ibidem, л. 191.

⁵¹ Ibidem, л. 2 об.–3.

на столе лежали карты и кучками серебряные и медные монеты»⁵². Однако арестовать сумела только шестерых, остальные сбежали. Ни один из свидетелей на суде, который состоялся марте 1906 года, так и не подтвердил того, что на квартире у Дроздовской собирались для азартных игр в карты, а сама хозяйка или ее приятель Султан получали бы от игры какую-либо прибыль⁵³. Все утверждали, что в тот день пришли в гости «по случаю дня ангела» хозяйки, играли только в преферанс, а деньги собирали сами играющие исключительно «на выпивку и закуску» и покупку новых карт⁵⁴.

А потому обвинение в устройстве игорного дома для запрещенных азартных игр в карты доказать не удалось, Дроздовская и Парадисов были признаны по суду оправданными⁵⁵. Отсутствие организованных форм досуга, удовлетворяющих все запросы горожан, порождало к жизни подобные заведения, и вносило определенное разнообразие в городскую повседневность.

Аферы

Можно предполагать, что определенный уровень благосостояния населения приграничных территорий Российской империи исследуемого периода, наличие свободных денежных средств наряду с другими факторами благоприятствовали возникновению и распространению различных мошеннических схем.

В августе 1905 года в полицию обратился некий крестьянин Иосиф Осмольский⁵⁶. По его словам, 30 августа 1905 года он, приехав в Минск по своим делам, познакомился с двумя евреями. Они обратились к нему с просьбой обменять 450 рублей золотых монет на бумажные деньги, поскольку один из них хотел деньги переслать по почте своему сыну, а монеты в конверте то отправлять было неудобно. Осмольский, вероятно, был отзывчивым человеком, потому на просьбу откликнулся и, получив взамен бумажных банкнот, как он думал, свертки с золотыми монетами, отправился на вокзал. Там ему понадобились деньги, но, когда он развернул свертки, там оказалась ружейная дробь и соль. Осмольский остался в Минске и попытался самостоятельно найти мошенников, обманувших его. «Расспрашивая на вокзале разных лиц», Осмольскому удалось обнаружить одного из них – Лейбу Розенблюма.

⁵² Ibidem, л. 2–2 об.

⁵³ Ibidem, л. 128 об.

⁵⁴ Ibidem, л. 125 об.–126.

⁵⁵ Ibidem, л. 128 об.

⁵⁶ НИАБ, ф. 183, оп. 2, д. 20327, л. 2.

Встретившись с Розенблюмом, Осмольский потребовал вернуть деньги, однако, договориться не получилось. Мошенник вернул ему лишь 6 р. 50 коп. И Осмольский вынужден был идти за помощью в полицию⁵⁷.

В результате проведенного полицией расследования выяснилось, что Осмольского, действительно, обманули, но при несколько других обстоятельствах. Как оказалось, еще отбывая срок в Псковском исправительном арестантском отделении, Осмольский активно интересовался тем, где можно приобрести фальшивые золотые монеты. Его коллеги-арестанты посоветовали ему обратиться в Минск⁵⁸. Получается, Минск в те времена был столицей фальшивомонетчиков Российской империи! Прибыв в Минск, Осмольский в доме терпимости на Ново-Красной улице и познакомился с одним из мошенников по фамилии Кантарович, представившегося Осмольскому как Зильберман⁵⁹.

Зильберман в свою очередь познакомил Осмоловского еще с двумя мошенниками – неким Мотелем Готлибом и Лейбой Розенблюмом. Встреча произошла в Старо-Московской гостинице на Губернаторской улице. Сперва Осмольскому дали «пробу» – под видом фальшивых вручили настоящие золотые пятирублевые монеты. Понятно, что Осмольский без проблем разменял их и сразу убедился в «высоком качестве» подделки. Вечером этого же дня состоялась новая встреча⁶⁰.

Готлиб принес с собой ящик, в котором якобы находилось 25 свертков по сорок пятирублевых монет каждый. Осмольский хотел приобрести 5000 рублей фальшивых золотых монет всего за две тысячи настоящих рублей. Во время обмена денег мошенник, поставив ящик себе на колени, вынимал свертки с монетами и очень ловко, незаметно для жертвы, подменял их на свертки с дробью. Получив желаемый товар, Осмольский заплатил мошенникам сразу только лишь 450 рублей, выдав на остальную сумму долговую расписку. И, вероятно очень счастливый от удачно совершенной сделки, отправился на вокзал, где и обнаружил обман.

Во время следствия личность Готлиба установить так и не удалось⁶¹. Но выяснилось, что один из мошенников, а именно Розенблюм, был уже хорошо известным полиции аферистом, специализировавшимся «на продаже»

⁵⁷ Ibidem, л. 2–3.

⁵⁸ Ibidem, л. 4.

⁵⁹ Ibidem, л. 2–3 об.

⁶⁰ Ibidem, л. 3 об.–4.

⁶¹ Ibidem, л. 4 об.

фальшивых золотых монет⁶². Решением суда 8 мая 1910 г. оба мошенника, и Розенблюм, и Кантарович, были приговорены к заключению сроком на три месяца каждый. Кантаровичу же повезло – ему засчитали срок нахождения в тюрьме и тут же освободили⁶³.

Анализ схемы мошеннической операции дает возможность предполагать, что данный преступный сюжет был одним из многочисленных эпизодов деятельности хорошо организованной преступной группировки, которая действовала на территории Западных губерний Российской империи в начале XX века. Специализировалась эта группировка на так называемых «аферах» – «обманном похищении денег». Мошенники работали по одной и той же схеме, описанной выше, с небольшими вариациями, менялся лишь объект обмана – это могли быть не только фальшивые золотые монеты, но и фальшивые кредитные билеты либо якобы найденный клад монет⁶⁴.

«Van Houten»

Буржуазные реформы второй половины XIX века привели к изменению ценностных ориентаций и стандартов поведения у значительной части населения, а конфликт разных систем ценностей способствовал росту отклоняющегося поведения и преступности. Российский историк Миرون Н.Б. отмечает, что не бедность, а стремление разбогатеть любыми способами, не исключая и криминальных, часто служило мотивом преступления. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность через богатство сразу и радикально изменить свою жизнь к лучшему вводили многих людей среднего достатка в искушение⁶⁵. Во второй половине XIX – начале XX веков, так же, как впрочем, и сейчас, в городах распространенным явлением был обман покупателей.

⁶² Ibidem, л. 4 об.

⁶³ Ibidem, л. 144 об.

⁶⁴ Т.В. Воронич, *Мошенники Вильны (конец XIX – начало XX века)*, в: *Социальные группы и их влияние на развитие общества в XVI–XIX веках: сборник научных статей подготовлен на основе докладов участников международной конференции, состоявшейся в Институте истории Литвы 8–9 октября 2014 г. = Grupy społeczne i ich wpływ na rozwój społeczeństwa w XVI–XIX wieku: zbiór artykułów na podstawie referatów wygłoszonych na międzynarodowej konferencji naukowej zorganizowanej przez Instytut Historii Litwy 8–9 października 2014 roku*, сост. Т. Байрашаускайте, Vilnius 2015, с. 363–383.

⁶⁵ Б.Н. Миронов, *Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.)*, Санкт-Петербург 2003, Т. 2, с. 96.

Современное белорусское законодательство не дает конкретного ответа, что именно следует считать обманом потребителя. На практике под этим понимается умышленное введение в заблуждение относительно качества, количества, стоимости товара. К подобным действиям можно отнести: обмеривание; обвешивание; обсчет; продажа фальсифицированного товара либо товара низшего сорта по цене высшего сорта; продажа уцененных товаров по ценам, существовавшим до уценки; искусственное увеличение веса или объема товара в момент продажи; продажа испорченных, некачественных товаров; взимание платы за услуги, которые оказываются бесплатно, в т.ч. за гарантийный ремонт, и др.⁶⁶

Фальсификация, вероятно, существует и будет существовать столько, сколько существует торговля. Способы и виды фальсификации продовольственных товаров в белорусских городах в рассматриваемый период были крайне разнообразны⁶⁷. Нередко подделывали товарные знаки и этикетки, как товаров всемирно известных брендов, так общероссийских и местных производителей.

Так, в течение 1905–1906 гг. представители знаменитой голландской фирмы «Van Houten» (на сегодняшний день это один из мировых лидеров по производству какао) обнаружили значительное снижение спроса на свою продукцию на всем российском рынке⁶⁸. Возникшее предположение о том, что причиной данного явления может быть замена их продукта фальсификатом, подтвердилось. Производство поддельного какао было налажено в Минке. Подделками занимался 43-летний мещанин Абрам Диннерштейн. Во время обыска у него было обнаружено, кроме поддельного какао и упаковок, огромное количество «документов-этикеток с фабричным клеймом «Ван-Гутен», на французском и немецком языках, о способе приготовления какао и отзывы о нем известных врачей, бланков, открытых и закрытых писем, преискурантов и пр.». В документах содержалась информация, что

⁶⁶ Обман потребителя и ответственность за его совершение [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ilex.by/obman-potrebitelya-i-otvetstvennost-za-ego-sovershenie/> (доступ: 21.09.2019).

⁶⁷ Более подробно см.: Т.В. Воронич, *Преступления в торговой сфере экономики городов и местечек Беларуси конца XIX – начала XX века*, в: *Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Ашмянны і Ашмянскі рэгіён*, уклад. А.А. Скеп'ян et al., Мінск 2015, с. 290–299; Т.В. Воронич, *Фальсификация продовольственных товаров в городах Беларуси на рубеже 19–20 веков*, в: *Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі*, уклад. А.А. Скеп'ян, рэдкал. А.А. Каваленя et al., Мінск 2016, с. 293–307.

⁶⁸ НИАБ, ф. 183, оп. 2, д. 21488, л. 2.

Диннерштейн является официальным «представителем для северо-запада и юга России» не только фирмы «Ван Гутен», но еще одного производителя какао «Вендорф и К^о», а также американской фирмы «Herculo», выпускающей овсяную крупу. Действовал Диннерштейн с размахом. Фирма «Ван Гутен», чтобы предупредить подделку своей продукции, всегда продавала какао уже расфасованным в жестяные банки. Диннерштейн покупал какао «бочками» за рубежом и провозил через таможеню в Вежболово, пользуясь услугами одного знакомого таможенного сотрудника. Жестяные банки приобретал в Санкт-Петербурге на фабрике жестяных изделий Армана Францева Азибера. Последний во время следствия рассказал, что за период с марта 1906 по май 1907 гг. он изготовил для Диннерштейна свыше 27 тысяч жестяных банок. Этикетки же Диннерштейн заказывал в Берлине. Деятельность Диннерштейна распространялась далеко за пределы Минской губернии на обширные территории Российской империи – на Киев, Нижний Новгород, Кишинев, Екатеринослав, Бердичев и многие другие города. Торговал Диннерштейн, главным образом, какао «Ван Гутен».

Химический анализ обнаруженного какао показал, что это была низкопробная «смесь из измельченных, содержащих примесь шелухи, бобов-какао и пшеничного крахмала». При этом продавал свое какао Диннерштейн по цене настоящего, «не соглашаясь никогда уступить против рыночной цены его»⁶⁹. Как ни странно, но потребители покупали фальсификат, и довольно охотно покупали, о чем свидетельствовал солидный объем финансовых операций Диннерштейна. Торговые обороты его предприятия по продажам какао в 1904 году составили 4413 руб., в 1905 – 11 288 руб., в 1906 – уже 15 352 руб.⁷⁰

По решению суда, который состоялся только в ноябре 1911 года, Диннерштейн был приговорен к «тягчайшему наказанию», а именно лишению всех прав, личных и по состоянию присвоенных, а также заключению в тюрьме сроком на один год⁷¹.

«Алео де вазелин»

Белорусские промышленники-предприниматели активно занимались подделкой общероссийских брендов. В Москве действовала известная пар-

⁶⁹ Ibidem, л. 4.

⁷⁰ Ibidem, л. 3.

⁷¹ Ibidem, л. 129–129 об.

фюмерная фабрика, выпускавшая продукцию под своим собственным зарегистрированным товарным знаком «Эмиля Бодло и К^о». Особенной популярностью пользовалось мыло «Алео де вазелин». В 1900 г. агент фабрики провизор Меерсон обнаружил в продаже мыло с этикетками, схожими с этикетками самой фабрики. Проведя самостоятельно расследование, Меерсон выяснил, что мыло выпускается в Минске неким 65-летним Самсоном Динерштейном, имевшим свое собственное мыловаренное производство на углу Богадельной и Немигской улиц. Прибыв в Минск, Меерсон, чтобы поймать Динерштейна с поличным, с помощью какого-то мальчика приобрел целую коробку поддельного мыла, выпускаемого Динерштейном. На предварительном следствии Динерштейн признал и коробку, и мыло, находившееся в ней, своими. Более того, он даже признался, что этикетки в количестве 5050 штук по его заказу были изготовлены в Ковно. Поскольку фабрика Бодло на каждом куске мыла зарабатывала по 2 копейки, то Динерштейну был предъявлен иск на 101 рубль, а также и гражданский иск на 2000 рублей.

Спустя полгода Динерштейн, то ли оправившись от первого шока, то ли по совету адвоката, на судебном разбирательстве от всех своих показаний отказался. Он просто заявил, «что коробку и мыло он признал своими ввиду того, что при примирительном разбирательстве не рассмотрел их хорошо». Суд признал это объяснение исчерпывающим. Более того, обыск на складе Динерштейна произведен не был, установить же, у кого именно вышеупомянутый мальчик приобрел коробку с мылом, так и не удалось. Четыре свидетеля, трое из которых являлись работниками самого Динерштейна, показали, что никогда поддельных этикеток, предъявленных в ходе судебного разбирательства, они у Динерштейна не видели. Иск был отклонен, а Динерштейн оправдан⁷².

Шерешевские и другие

Одним из наиболее часто фальсифицируемых товаров была махорка. Как правило, подделывали товарные знаки и этикетки.

Причем подделками занимались как мелкие производители, так и крупные, хорошо известные предприятия. В 1873 г. из Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов на имя Гродненского губернатора пришло письмо с просьбой провести расследование по факту поддел-

⁷² НИАБ, ф. 183, оп. 2, д. 13057, л. 31–35 об., 38–38 об.; Т.В. Воронич, *Преступления в торговой сфере экономики городов и местечек Беларуси*, с. 293–294.

ки Шерешевскими этикеток знаменитой петербургской табачной фирмы «Л'есперанс». Шерешевские, владельцы одной из самых крупных табачных фабрик, обвинялись в выпуске своей продукции под фальшивыми этикетками!!!⁷³. Желание разбогатеть, видимо, было слишком велико.

Красный медведь

Но чаще всего подделывали этикетки местных производителей, продукция которых пользовалась хорошим спросом среди местного населения.

С 1888 г. в Сморгони одна табачная фабрика выпускала «курительный табак Бакун» под товарным знаком «Красный медведь». Это низший сорт табака, и употреблялся он преимущественно крестьянами. Поскольку крестьяне в большинстве своем были безграмотными, то табачные изделия своей любимой фабрики они отличали от продукции других производителей по изображению красного медведя. В 1913 г. фабрикой владели Элья и Шлиома Шварцы, и дела у них шли довольно успешно. Однако в этом же году, здесь же, в Сморгони, появляется еще одна табачная фабрика. И ее владелица Фрума Вороновская начинает выпускать такой же сорт табака в такой же упаковке и с таким же изображением красного медведя. Единственное отличие состояло в том, что фамилия производителя была указана другая. Крестьяне, не умеющие ни читать и ни писать, этого отличия не замечали и покупали табак, ориентируясь исключительно на красного медведя. Уровень продаж табака фабрики Шварцев снизился, и свой убыток в судебном иске к Фруме Вороновской они оценили в 1000 рублей!!! Суд встал на защиту авторских прав Шварцев на свой товарный знак «Красный медведь» и запретил Фруме Вороновской выпускать свою продукцию под этим товарным знаком «Красный медведь»⁷⁴.

Красный волк

В сентябре 1897 года в Минский Окружной Суд обратилась минская купчиха Фрейда Самойловна Гинзбург. Ее табачная фабрика в Минске выпускала курительный табак «Махорка», на этикетке которого был изображен крас-

⁷³ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 23, д. 49, л. 1–3; Т.В. Воронич, *Преступления в торговой сфере экономики городов и местечек Беларуси*, с. 294.

⁷⁴ Lietuvos valstybės istorijos archyvas (далее LVIA), f. 445, ap. 5, b. 398, p. 23–25v.; Т.В. Воронич, *Преступления в торговой сфере экономики городов и местечек Беларуси*, с. 293.

ный волк. Продукция пользовалась большой популярностью, особенно среди крестьян. Крестьяне, будучи неграмотными, как и в первом случае, отличали свою любимую махорку от других табачных изделий по картинке. Однако, в это время, в Пинске купец Шевель Розенштейн начинает выпускать свой курительный табак «Махорка» с этикеткой, практически схожей с этикеткой Гинзбург. Волку были дорисованы усы, удлинён хвост, подняты уши, и он превратился в ... тигра! Подпись к картинке тоже была изменена с «Волк» на «Тигр». Крестьяне, опять же таки, не умея читать, ориентировались исключительно на картинку. И, не замечая этих маленьких корректировок в образе волка, охотно покупали продукцию Розенштейна, полагая, что это все тот же их любимый табак минской фабрики Гинзбург. В результате сбыт изделий минской купчихи в Пинском уезде уменьшился почти на половину. Чем закончилось дело неизвестно, поскольку Фрейда Гинзбург подала новое прошение о прекращении дела и на судебное заседание 16 июля 1898 года не пришла. Дело было закрыто⁷⁵.

* * *

Таким образом, преступления были обыденным, натуральным элементом повседневной жизни горожан второй половины XIX – начала XX веков, а определенные виды экономических преступлений воспринимались абсолютно как норма и не были чем-то в сознании горожан противозаконным и противоправным. Это в определенной степени подтверждается оправдательными приговорами, выносимыми подсудимым присяжными заседателями. Для присяжных заседателей совершенные правонарушения не были преступлениями, достойными наказания.

Мелкий характер мошенничеств говорит о том, что они совершались каждый день, и это было нормой. Может быть, поэтому мало кто в полицию и обращался. Ведь и сегодня, практически каждый горожанин сталкивается либо с мелким мошенничеством, либо с обманом покупателей. Но мало кто обращается с письменным заявлением в милицию.

Обыденность криминала, его повседневность была также обусловлена низким уровнем, если вообще не отсутствием, правовой культуры, чему способствовала и обычная неграмотность горожан.

⁷⁵ LVIA, f. 445, ар. 5, б. 398, р. 23–25v.; Т.В. Воронич, *Фальсификация продовольственных товаров в городах Беларуси*, с. 295–296.

Определенные виды преступлений свидетельствуют о том, что уровень благосостояния определенных слоев горожан был достаточно высок, иначе не было бы клиентов для аферистов. Кроме того, общество было довольно стабильным. Уровень доверия в обществе был высок. Именно потому было возможным брать продукты в магазине в долг, сделав всего лишь соответствующую запись в специальной книге.

Вместе с тем широкое распространение фальсифицированной продукции свидетельствовало о нескольких процессах в обществе. Во-первых, о значительном расслоении горожан, поскольку именно беднейшая часть населения зачастую становилась главным потребителем недоброкачественной продукции в силу ее дешевизны. Действовал главный закон рынка: спрос рождает предложение. И спрос был значительным, как и те, кто его формировал. Но потребителями суррогатов зачастую становился и средний класс горожан, который, с одной стороны, не обладал достаточными знаниями и навыками для определения некачественной продукции. С другой стороны, не сформировались окончательно еще соответствующие органы санитарного и торгового контроля. Так же, как и потребительская культура как регулятор поведения потребителей как таковая находилась в стадии развития.

Обращает на себя внимание и тот авторитет, который в городском обществе имела государственная власть, поскольку наличие только одной служебной формы внушало безоговорочное доверие горожанам.

Приграничное расположение пяти губерний, которые вовсе не были ни «задворками Европы», ни «окраинами Российской империи», равноудаленность от ближайших крупных столиц, наличие развивавшихся средств связи, транспортных магистралей создавали благоприятные условия для развития криминала, можно сказать, провоцировали его возникновение и развитие.

Именно в сфере экономической преступности, в мошеннической среде, зарождается организованная преступность в Российской империи. Начало формирования которой, в свою очередь, может свидетельствовать все же об определенных модернизационных процессах в российском обществе. Вместе с тем, модернизирующееся российское общество устойчиво сохраняло в себе черты традиционного, что нашло выражение в дошедшей еще с XVIII века практике самостоятельного розыска преступников. Причиной этого могло быть либо неверие в силы и желание полицейских чиновников решать проблемы горожан. Либо, опять же таки, низкий уровень правовой культуры. Правовое сознание горожан еще не оформилось. Т. е. не сформирова-

ровалась еще «более высокая юридическая и моральная оценка отношений собственности», именно поэтому горожане не считали нужным обращаться в полицию, и вместе с тем, начиная собственное расследование, брали на себя функции следственных органов. В сознании горожан не сформировалось еще понятия неприкосновенности личности и частной собственности, защищенной законом. Так же как, например, и сейчас, в современном белорусском городе за полученное оскорбление в общественном транспорте, либо по поводу взломанного почтового ящика никто в суд обращаться не будет, несмотря на наличие соответствующих статей в Уголовном Кодексе Республики Беларусь.

Bibliografia

Źródła rękopiśmienne

Национальный исторический архив Беларуси (далее: НИАБ), ф. 183 (Минский окружной суд 30.11.1883–02.12.1918 гг.), оп. 2: д. 22729, 17329, 17332, 20327, 25651.

Оpracowania

Акельев Е., «Сыщик из воров» Ванька Каин: анатомия «гибрида», „Ab imperio” 3, 2018. Алфавитный указатель к Своду законов Российской империи / Сост. С. С. Войт, Петроград [1914], X.

Воронич Т. В., *Мошенники Вильны (конец XIX – начало XIX века)*, в: *Социальные группы и их влияние на развитие общества в XVI–XIX веках: сборник научных статей подготовлен на основе докладов участников международной конференции, состоявшейся в Институте истории Литвы 8–9 октября 2014 г. = Grupy społeczne i ich wpływ na rozwój społeczeństwa w XVI–XIX wieku: zbiór artykułów na podstawie referatów wygłoszonych na międzynarodowej konferencji naukowej zorganizowanej przez Instytut Historii Litwy 8–9 października 2014 roku*, сост. Т. Байрашаускайте, Vilnius 2015.

Коллман Н. Ш., *Преступление и наказание в России раннего Нового времени*, Москва 2016.

Маслійчук В., *Підлітковий злочин у Харкові (80–90-ті рр. XVIII ст.)*, „Краєзнавство” 1, 2011.

Свод законов Российской империи. Издание неофициальное. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями. В пяти книгах., ред. И. Д. Мордухай-Болтовский, С.-Петербург 1912, Т. 16.

Татьяна Воронич

Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июня 1889 года, за 1912 год. Издание Министерства внутренних дел в 2-х частях, Петроград 1915, ч. 1.

Уголовный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (доступ: 21.09.2019).

Фуко М., *Надзирать и наказывать*, Москва 1999.